DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-574-586

В. Б. Темнухин

ПРОБЛЕМА ПЕРЕЛОЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННОГО ИЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Аннотация: Рассматриваются существующие подходы к переложению «Слова о полку Игореве» на современный русский язык, приведены примеры искажения смысла первоисточника поэтами-переводчиками; сформулированы некоторые требования, которым на фоне современных социально-политических реалий должно удовлетворять переложение «Слова о полку Игореве» для молодежи, представлена поэма «Каяла» как один из вариантов такого переложения.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», переложения, требования к современному переложению для молодёжи, поэма «Каяла».

V.B. Temnuhin

THE PROBLEM OF MODERN RENDERING AND EDITING OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN*

Abstract: The article explores the existing approaches to modern rendering of the epic poem *The Tale of Igor's Campaign* (Slovo o polku Igoreve), misinterpretations of the original text in translations, and requirements to be met in modern rendering of the epic poem intended for the rising generation in view of modern socio-political realities. The author presents his poem *The Kayala* as a version of such modern rendering.

Keywords: The Tale of Igor's Campaign, rendering, requirements to be met in modern rendering, poem *The Kayala*.

Признанный шедевр древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» знает немало переводов и переложений на современный русский литературный язык. Если говорить о стихотворных переводах, охватывающих весь текст, то следует назвать произведения, созданные в XIX в. Василием Жуковским и Аполлоном Майковым, в XX в. — Константином Бальмонтом, Сергеем Шервинским, Николаем Заболоцким, Семёном Ботвинником, Игорем Шкляревским, по праву считающиеся лучшими в русской поэзии [4]. Возможно, к ним

следует отнести и опубликованный недавно, уже в XXI в., «переклад» «Слова…», выполненный Евгением Евтушенко.

Немалые художественные достоинства этих произведений, созданных в XIX и XX вв., широко освещены в литературе, посвященной «Слову…» [4, с. 93–106].

Однако, как представляется, проблема переложения древнерусского текста все еще весьма далека от своего окончательного решения. Время не стоит на месте, меняется русский язык, и то, что было доступным для понимания читателю, например, XIX в., вызывает затруднение у читателя XXI в.

Представляется, что наиболее значительным недостатком переложений «Слова…» является то, что при работе с текстом-оригиналом автор-переводчик старается в той или иной степени сохранить нетронутыми древнерусские слова и выражения. Объясняется это, надо полагать, заботой о сохранении красот языка Древней Руси, бережным к нему отношением или надеждой на умение читателя домысливать недостающее. Но получается, что читателю предлагается не перевод как таковой, а довольно пестрая комбинация из современного русского и древнерусского языков. Причем смысловое значение такого «перевода», как правило, противоречит не только оригиналу, а порою и самой логике. Если же добавить к этому утрату сегодняшними читателями всей глубины эмоционального восприятия описываемых в «Слове…» событий, естественную неполноту нынешних представлений об особенностях военно-политической и этнографической ситуации того времени, то имеющиеся переводы никак нельзя признать исчерпывающими.

Кроме того, каждый из переводчиков «Слова…» на современный ему русский язык так или иначе следует тому или иному литературному направлению или течению, представителем которого является. И порою недостаточно строго соотносит идейные и эстетические требования этих направлений и течений с художественным замыслом древнерусского автора, что вносит дополнительные искажения в трактовку текста-оригинала.

Так, в одном из первых наиболее известных переводов «Слова…», произведении Василия Жуковского [4, с. 107–125], уже широко использован прием смешения современного ему литературного русского и древнерусского языков. Между тем это переложение стало

своего рода «классическим», эталонным для последующих переводов «Слова…», а использованные при его создании художественные приемы до известной степени превратились в некий навязчивый образец для авторов, создававших переводы «Слова…» в более позднее время. Представляется, в частности, что продолжением «классической» традиции переводов «Слова…», так или иначе, стали произведения поэтов XX в.: Константина Бальмонта, Семёна Ботвинника, Игоря Шкляревского и других авторов [4].

В несколько иной, фольклорной, традиции выполнил переложение «Слова…» во второй половине XIX в. Аполлон Майков, приблизив, как можно видеть, свое произведение к былине. Однако такой подход явно противоречит замыслу древнерусского автора, ведущего повествование отнюдь не в былинном, полулегендарном и полусказочном, стиле, но так, чтобы как можно ярче подчеркнуть историческую достоверность и эмоциональную правдивость описываемых им событий.

Сергей Шервинский достаточно оригинально попытался передать в своем произведении прежде всего ритмику Игоревой песни, смысл же ее, как видится, оставлен на уровне продолжателей «классической» традиции переводов и переложений «Слова…» [4, с.162–192].

Переложение Николая Заболоцкого [4, с. 193–219; 5, с. 131–156] выделяется художественной выразительностью языка, приближенного к современной поэтической речи, но нельзя не отметить, что смысл текста переложения относительно смысла текста оригинала при этом довольно сильно исказился.

Весьма показателен сравнительный анализ любого отрывка из древнерусского произведения и соответствующих ему частей переведенных текстов. Например, древнерусский автор (в переводе реконструированного текста Д.С. Лихачёва [4, с. 69; 5, с. 45]) пишет:

Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

В переводе Василия Жуковского [4, с .107]:

Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Перевод фрагмента свелся к замене порядка слов во второй строке отрывка, остальной текст оставлен без изменений.

В переложении Аполлона Майкова [4, с. 126; 5, с. 111]:

Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орёл ширял под облаками!

Подобное и в переводе Сергея Шервинского [4, с.162]:

Песнь задумав кому-либо,
Вещий Боян
Растекался по дереву мыслью,
Серым волком он, вещий,
Скакал по земле,
Реял сизым орлом в поднебесье.

В переложении Николая Заболоцкого [4, с. 193; 5, с. 131]:

Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орёл под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.

Как мне кажется, очевидны два недостатка, общие для произведений Аполлона Майкова, Сергея Шервинского и Николая Заболоцкого [4]. С одной стороны, максимально возможное сохранение нетронутыми древнерусских слов и выражений, кочующих из текста в текст разных авторов, а с другой — искажение смысла текста-оригинала.

В рассматриваемом отрывке древнерусский автор стремился показать свое восхищение поэтической мощью певца Бояна, а в переводах Боян выглядит странным существом, которому нужно скакать, как зверю, прежде чем он будет в состоянии приступить к исполнению песни. Такой певец вызывает не восхищение, а, по меньшей мере, недоумение. Налицо грубейшее искажение замысла древнерусского автора. Надо полагать, лишь в мыслях своих, виртуально, но никак не в действительности, не как физическое тело, скачет Боян серым волком по земле и орлом парит под облаками. Причем делает это в высшей степени искусно и правдоподобно. Между тем в рассмотренных переводах и переложениях указанный контекст полностью утрачен. Характерно, что эпитет «вещий» никак не переведен, хотя является явным архаизмом и несет значительную смысловую нагрузку. То же можно сказать и о фразе «растекался мыслию по древу». К тому же, как известно, в современном русском языке эта фраза, став идиомой, толкуется в отрицательном смысле. Ею принято «награждать» болтунов, но никак не выдающихся, подлинных мастеров художественного слова, а это прямо противоречит смысловому содержанию древнерусского текста.

Беглый анализ остальной части древнего текста и его переложений позволяет выявить несколько важных обстоятельств. В частности, ряд слов и выражений, употребляемых в древнем тексте, хотя и сохранили свое начертание, но изменили значение в современном нам литературном русском языке. Например, в описании похода Игоря сказано: «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому <…>» [4, с. 50]. В обыденном современном понимании, если войска бегут, то они потерпели поражение или, заранее предчувствуя его, впали в панику. Именно как страх половцев перед вторжением Игорева войска истолковали переводчики смысл этой строки. Но представляется, что речь должна идти о другом: половцы, узнав о переходе Игорем границ их земли, объявили сбор своих военных сил. Они бегут не от Игоря, а навстречу ему, к пунктам сосредоточения своих войск, чтобы организовать вооруженный отпор вторгшимся в их владения русским.

В еще большей степени указанное смещение смыслов касается слов-символов. Так, в современной поэзии лебедь является символом верности, грации, любви. Иное дело в «Слове о полку Игореве», где

лебедь — символ враждебных племен, внешней угрозы [4, с. 47–48, 66]. Переводчики упустили это обстоятельство.

И, наконец, в древнем тексте есть слова-символы, отсутствующие в современном языке. Восстановить значение подобных слов можно косвенным путем. В частности, при совместном анализе «Слова…» и летописных источников. «Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти» — сказано в «Слове…» о Всеволоде Большое Гнездо [4, с. 59]. Значение слова «шереширы» неясно, но представляется, что это своего рода снаряды для баллист, начиненные «коктейлем Молотова» XII в. — «греческим огнем». В полете они должны были издавать характерный шипящий звук. О наличии на вооружении у половцев баллист — огромных луков, стреляющих огнем, — известно из русских летописей [5, с. 11]. Очевидно, «посуху живыми шереширы стреляти» значит метать «греческий огонь» в сухопутном бою или, более образно, бросать в бой свои войска, не уступающие огню по своей сокрушающей силе. Где же, однако, указанный смысл фразы в переводах «Слова…»? Кстати, в ходе боя Игоря с половцами вряд ли могла расти «кровавых тел гора», как это описывается в переложении Н. Заболоцкого [4, с. 201; 5, с. 139]. Бой, построенный на контратаках обеих сторон, происходил в постоянном движении войск, не было какой-либо одной позиции. Здесь уместнее говорить о кровавом следе из павших воинов, чем о горах трупов.

Персонажи «Слова…» трудны для восприятия. После школьного курса истории в памяти остаются Ярослав Мудрый, Всеволод Большое Гнездо и Святослав Великий, громивший Хазарию, но Святослав в «Слове…» не имеет ничего общего со Святославом Великим (кроме формального титула), а Ярославов в «Слове…» несколько — и Ярослав Мудрый (старый Ярослав), и Ярослав Черниговский, и Ярослав Галичский «Осмомысл» [4; 5]. Всеволод Буй Тур и Всеволод Большое Гнездо так и норовят слиться в один образ. То же самое и с другими князьями, имена которых совпадают, а дела довольно сильно разнятся. Поэтому простое упоминание имени князя в переложении не дает ничего, кроме путаницы. Это же касается и княжеских прозвищ, малопонятных нынешнему читателю. Между тем Святослав Киевский считает Игоря и Всеволода «сыновчями» [4, с. 58; 5, с. 76]. По мнению переводчиков — сынами, сыновцами. Но из летописей известно, что они, Игорь и Всеволод, приходятся Святославу двоюродными брать-

ями [4, с. 390–391]. Слова «отец, отчий» означают в тексте «Слова…» не только степень родства, но и положение в феодальной иерархии, являясь, по сути, синонимами слов «сеньор», «принадлежащий сеньору». Между тем отдельные персонажи нигде, кроме «Слова…», не встречаются. Например, князь Бус [4, с. 58; 5, с. 76]. Ясно, что в этом случае упоминание вскользь имени персонажа совершенно недопустимо.

Как представляется, изложенное позволяет сформулировать главные требования, которым должен удовлетворять добротный перевод «Слова о полку Игореве» на современный читателю XXI в. русский литературный язык:

— максимально строгое следование сюжету и, по возможности, ритмике древнерусского произведения;

— насыщение перевода словами и выражениями, отсутствующими в тексте оригинала, но в современном русском литературном языке наиболее точно отражающими поэтическую мысль древнерусского автора в каждом конкретном случае;

— максимально возможное изъятие из переведенного текста древнерусских слов и выражений, этнографических и географических наименований, смысл которых на момент создания каждого нового произведения утрачен или неясен, вызывает споры;

— упоминание имен русских князей и других персонажей должно сопровождаться надлежащей контекстной подсказкой их деятельности, причем такая подсказка должна быть включена в состав основного текста переложения;

— идеологическая основа и эмоциональный настрой древнерусского произведения должны передаваться, насколько возможно, во всей своей глубине.

Невозможно обойти вниманием и собственно поэтические тонкости. Оригинал «Слова…» насыщен художественными образами, но в нем отсутствуют рифмы, кроме повтора глаголов. Нынешние литераторы называют такой текст ритмизованной прозой. При создании же современного поэтического произведения многократное использование глагольных рифм неуместно. В целях достижения высокого художественного уровня необходимо употреблять для рифмовки разные части речи. В основном, как показывает практика, используются прилагательные. Это приводит не только к повышению художественной

выразительности текста, но и к увеличению объема переложения, что далеко не всегда можно признать достоинством. Причем, как видится, стилистика поэтического переложения «Слова…» вряд ли должна сильно уклоняться от стиля классической русской поэзии XIX–XX вв.

Возможно, прозаическое, а не стихотворное переложение «Слова о полку Игореве» окажется более востребованным современным российским обществом, где поэзия (особенно среди молодежи) пользуется весьма скромным авторитетом.

Однако все это вовсе не означает движения в сторону выхолащивания смысла древнего текста при его переводе и примитивного, схематического, грубого его истолкования. Речь идет лишь о приближении древнего произведения к современному читателю без намеков на бытующие в современной литературе поэтическую заумность или нарочитое, неоправданное для художественного текста наукообразие, которые не способствуют решению поставленных задач.

Между тем, помимо проблемы собственно современного перевода древнерусского текста, существуют еще и трудности с составлением изданий, посвященных «Слову о полку Игореве», особенно тех из них, которые рассчитаны на широкую читательскую аудиторию, включая студентов и школьников. Например, стремясь сделать «Слово…» более доступным для понимания, в издание, предназначенное для школьников, помещают не только реконструкцию древнерусского текста, его наиболее известные переводы и переложения на современный язык, но и многочисленные комментарии и примечания к ним, а также пространные приложения [5]. Но, как ни парадоксально, обширные и выверенные с научной точки зрения комментарии и приложения к основному тексту вовсе не способствуют его лучшему пониманию, а, наоборот, вызывают затруднения. Ведь для того чтобы уяснить смысл того или иного отрывка основного текста, приходится одновременно читать и сам этот текст, и все комментарии, и прочие пояснения к нему. Таким образом, вместо одного текста предлагается освоить сразу четыре-пять, причем размещенных не параллельно, а в разных частях издания. Даже для подготовленного читателя это непросто, а для большей части студентов и, тем более, школьников весьма затруднительно. Вот почему добавляется еще одно, на мой взгляд, чрезвычайно важное требование к новым переводам и переложениям «Слова…»: их текст должен быть

в максимальной степени доступным для понимания при минимуме дополнительных комментариев.

Есть и ряд более важных обстоятельств. Переводчики, более следуя установленным в нынешней русской литературе традициям, нежели замыслу древнерусского автора, удаляются от главной идеи «Слова…» — идеи преодоления внутренних распрей, раздоров, пустой похвальбы, политической недальновидности отдельных деятелей древнерусского государства, всего того, что препятствует единению всех русских людей и дружественных им других племен и народов для защиты Русской земли от внешнего врага. Авторы многочисленных переложений, пересказов, перекладов и переводов «Слова…» лишь формально провозглашают идею единения, но творчески не развивают ее. Кроме того, если задаваться вопросом — о чем написано «Слово о полку Игореве»? — то надо признать, что оно не столько о князьях, их походах и распрях, сколько о русской душе. Широкой, щедрой, прямой, смелой и сострадательной, которой больно видеть унижения родной земли, позор ее правителей. Однако и это исключительно важное эмоциональное наполнение в работах переводчиков, стремящихся лишь к формально точному воспроизведению сюжета, уходит на второй, если не более далекий, план. И этот формализм ничуть не приближает читателя к глубокому пониманию древнерусского произведения, но вызывает отторжение не только конкретного произведения, но и древнерусской литературы как таковой.

К изложенному следует добавить, что за последние 10–15 лет практически не выходило литературно-художественных изданий, посвященных «Слову о полку Игореве», которые могли бы соперничать по широте и глубине подачи самой новейшей информации о нем с изданиями, выпущенными в 60–80 гг. XX в. Издатели, как правило, отделываются копированием и тиражированием достижений прошлого. В то же время общественно-политическая и морально-нравственная обстановка в сегодняшней России как нельзя более созвучна тем основным вопросам, которые поднимал древнерусский автор «Слова…». Общество, раздираемое противоречиями, остро нуждается в единстве, а государство и власть — в укреплении и нравственном очищении. Ясно, что все это делает принципиально новое издание «Слова о полку Игореве» чрезвычайно востребованным, прежде всего в глазах широкой общественности, и не только российской, но и

всех людей, читающих по-русски. Как можно видеть из рекомендательного письма [3], такое мнение отчасти разделяется и некоторыми представителями нынешней российской власти.

Попыткой решения перечисленных задач можно считать предлагаемую вниманию читателей поэму «Каяла», несколько раз выходившую в свет малыми тиражами [7; 8; 9]. Ее стоит воспринимать как своего рода продолжение той поэтической традиции переложений «Слова...», начало которой положил Н. Заболоцкий и которая, как он определил, предполагает «свободное воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи», не претендуя «на научную точность строгого перевода» [4, с. 103].

Как отмечено в отзыве ИРЛИ РАН [1] на поэму «Каяла» издания 2006 г., она представляет собой попытку достаточно строгого следования «не только композиции, но и поэтике древнерусского литературного памятника»; попытку возможно более точной и логически последовательной передачи «общего смысла “Слова о полку Игореве” при отказе от пословного точного следования за его текстом».

При создании самого текста поэмы и примечаний к нему за основу были взяты тексты реконструкций, переводов и переложений, а также комментарии и приложения к ним из ряда прежних обзорных литературно-художественных изданий, посвящённых «Слову…» [4; 5].

В поэме «Каяла» нет ни глубины и красоты звучания подлинного древнерусского языка, ни деталей междукняжеских отношений, равно как и других сторон жизни той эпохи. Главная задача «Каялы» — обратить интерес читателя к «Слову о полку Игореве» не столько как к любопытной, занятной исторической и/или литературной древности, но как к актуальному для жизни современной России произведению, необходимому каждому, кто независимо от социальных и прочих различий признает нашу страну своей Родиной.

Однако до сих пор общество остается на редкость глухим по отношению к обсуждаемой проблеме. Художественное творчество и все, что с ним связано, оно считает делом исключительно частным и потому полагает вполне уместным переложить все заботы не только о создании литературного произведения, но и его продвижении к читателю на плечи самого автора [2].

В заключение приведем рассматриваемый выше отрывок из «Слова…» (обращение к Бояну) в поэме «Каяла» [6, с. 7–8]:

Вспомним, как в минувшие года
Расцветала Русь, другим на диво.
Первые сказители тогда
О грядущем пели прозорливо.

И Боян, коль захотел кому
Песнь сложить, умом блистая смело,
То, призванью верен своему,
Начинал задуманное дело:

Сказывал дружинам и полкам
Следуя старинному напеву.
И сама летела к облакам
Мысль его, ветвясь, подобно древу;

Мчалась серым волком по земле,
Реяла орлом под небом синим;
Словно луч зари в угрюмой мгле,
Русичам отраду приносила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Бобров А.Г.* Отзыв на издание В. Темнухина «Каяла: (вольный пересказ древнерусской повести «Слово о полку Игореве»)»: удостоверено 19.10.2006 / Изд. 2-е, перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-во Гладкова, 2006. 78 с. / А.Г. Бобров (д-р филол. наук); Ин-т рус. лит., Отд-е древнерус. лит. СПб., 2006. 4 с.

2 *Климешов П.А.* Пожизненный крест // Арина: литер.-худож. альм. Н. Новгород, 2008. № 9. С. 219.

3 Отзыв на рукопись поэмы «Каяла» В. Темнухина: письмо Советника Председателя Совета Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации О.И. Карпухина от 5.12.06 № 1-25/2039. М., 2006.

4 Слово о полку Игореве: сборник / вступит. ст. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева; реконструкция древнерус. текста и пер. Д.С. Лихачёва; сост., подгот. текстов и примеч. Л.А. Дмитриева. Л.: Сов. писатель, 1990. 400 с.

5 Слово о полку Игореве: сборник / вступит. ст. Д.С. Лихачёва; реконструкция древнерус. текста и перевод Д.С. Лихачева ; макет кн. В.В. Пахомова. М.: Дет. лит., 1972. 221 с.

6 *Темнухин В.Б.* «Братья! Не благом ли будет для нас…» // Боян: стихи. Н. Новгород, 2011. С. 7–11.

7 *Темнухин В.Б.* Каяла: (Вольное стихотворное переложение «Слова о полку Игореве»). Н. Новгород: Изд-е О.В. Гладкова, 2005. 72 с.
8 *Темнухин В.Б.* Каяла: (вольный пересказ древнерусской повести «Слово о полку Игореве»). Изд. 2-е, перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-е О.В. Гладкова, 2006. 78 с.
9 *Темнухин В.Б.* Каяла: (Вольное переложение древнерусской повести «Слово о полку Игореве»). 3-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-е О.В. Гладкова, 2008. 76 с.

REFERENCES

1 Bobrov A.G. *Otzyv na izdanie V. Temnukhina "Kaiala: (Vol`nyi pereskaz drevnerusskoi povesti "Slovo o polku Igoreve")": udostovereno 19.10.2006* [Mention for edition by V. Temnuhin The Kayala: freely retelling of Old-Russian narration *The Tale of Igor's Campaign*]: authenticated at 19.10.2006. St. Petersburg, The Russian Literature Institute of Russian Sciense Academy, the Department of Old Russian literature, 2006. 4 p. (In Russian)
2 Klimeshov P.A. Posziznennyi krest [The lifelong cross]. *Arina (liretaturno-khudozhestvennyi al`manakh)* [Arina (literary and art miscellany)]. Nizhny Novgorod, 2008, no 9, p. 219. (In Russian)
3 *Otzyv na rukopis' poemy "The Kaiala" V. Temnuhina* [Mention for manuscript poem The Kayala by Valery Temnuhin]: letter by Counselor the Chairman Federation Council of Russian Federation at 5.12.06 № 1-25/2039. Moscow, 2006. 1 p. (In Russian)
4 *Slovo o polku Igoreve: sbornik* [The Tale of Igor's Campaign]. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1990. 400 p. (In Russian)
5 *Slovo o polku Igoreve: sbornik* [*The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Children's Literature Publ., 1972. 221 p. (In Russian)
6 Temnukhin V.B. *"Brat'ia! Ne blagom ly budet dlia nas…"* ["Brother's! It may be better for us… "]. *Boian: stikhi* [The Boian: poetry]. Nizhny Novgorod, 2011, no 9, pp. 7–11. (In Russian)
7 Temnukhin V.B. *The Kaiala: (Vol'noe stikhotvornoe pereloszhenie "Slova o polku Igoreve"* [The Kayala: freely poetic interpretation of *The Tale of Igor's Campaign*]. Nizhny Novgorod, Izd-e O.B. Gladkova Publ., 2005. 72 p. (In Russian)
8 Temnukhin V.B. *The Kaiala: (Volnyi pereskaz drevnerusskoi povesti "Slovo o polku Igoreve"* [The Kayala: freely retelling of Old-Russian narration *The Tale of Igor's Campaign*]. 2nd ed. Nizhny Novgorod, Izd-e O.B. Gladkova Publ., 2006. 78 p. (In Russian)
9 Temnukhin V.B. *The Kaiala: (Vol'noe pereloszhenie drevnerusskoi povesti "Slovo o polku Igoreve"* [The Kayala: freely interpretation of Old-Russian narration *The Tale of Igor's Campaign*]. 3rd ed. Nizhny Novgorod, Izd-e O.B. Gladkova Publ., 2008. 76 p. (In Russian)

Об авторе / About the author

Валерий Борисович Темнухин — старший преподаватель, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, ул. Ильинская, д. 65, 603000 г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: temnuhin@rambler.ru

Valery B. Temnuhin — Senior Lector, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Il'ynskaya St. 65, 603000 Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: temnuhin@rambler.ru